Глава IV. Пензенская губерния в годы новой экономической политики. 1921–1928 гг.

1. Социально-экономическое положение губернии после окончания Гражданской войны

В истории Пензенского края вооружённое противостояние власти большевиков (главный критерий Гражданской войны) завершилось одновременно с угасанием повстанческой активности крестьянства[1] и стабилизацией продовольственного обеспечения в период получения урожая нового, 1922 г. Уступки деревне, облачённые в форму декрета, были сделаны под давлением угрозы надвигавшегося голода, так как в ответ на административную «выгребку» хлеба и общую экстремализацию повседневности крестьянство ответило не только террором, но, прежде всего, сокращением посевных площадей и падением производства товарного хлеба[2]. Так, в Пензенской губернии катастрофическое уменьшение посевных площадей отмечалось, начиная с 1917 г. Только за 1921 г. недосев составил 507 тыс. десятин, или 36 %, по сравнению с довоенным периодом, что в зерновом эквиваленте потерь выражалось в 20 280 000 пудов хлеба. Столь же кризисной следует назвать ситуацию с обеспеченностью сельского хозяйства рабочим скотом. Если в 1916 г. в губернии насчитывалось свыше 335 тысяч лошадей, то к осени 1921 г. осталось всего 249 тысяч, т.е. произошло сокращение на 26 %, или на 86 тысяч лошадей[3]. В 1920 г. от засухи в Пензенской губернии пострадали картофель, яровые, масленичные культуры. Озимые наполовину были потреблены населением, семян не осталось. Размер развёрстки был снижен примерно в 2 раза по сравнению с предыдущим периодом, а к заготовкам были привлечены продовольственные отряды и войска внутренней охраны республики (ВОХР). К 1 декабря 1920 г. было выполнено 90 % развёрстки на хлебные продукты[4]. К зиме в некоторых волостях не осталось хлеба ни на пропитание, ни на семена. Семенной фонд губернии не был собран, а это означало недосевы и, следовательно, вновь недобор хлебов.

В этих условиях Декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г. средством «правильного и спокойного» развития крестьянского хозяйства была названа замена развёрстки государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража натуральным налогом. При этом размер налога исчислялся в прежних размерах потребностей армии, городских рабочих и неземледельческого населения, но имел заданные пределы

[1] Даже в 1922 г. для подавления «бандитизма» и сбора продналога в некоторых уездах, например, в Нижнеломовском, ещё применялась «вооружённая сила». См.: Отчёт о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета 9-го созыва X Губернскому съезду Советов рабочих и крестьянских депутатов. Пенза, 1922. С. X.

[2] Орлов И. Б. Нэп как антикризисная политика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 10.

[3] Отчёт о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета 9-го созыва X Губернскому съезду Советов рабочих и крестьянских депутатов. Пенза, 1922. С. III.

[4] ГАПО. Ф. р-9. Оп. 1. Д. 212. Л. 50; Д. 222. Л. 30.

и носил прогрессивный характер. Предполагалось, что по мере завершения восстановительного процесса размер налога будет сокращаться. Круговая ответственность за невыполнение обязательств отменялась. Излишки произведённой продукции «допускалось» обменивать на товары фабрично-заводской и кустарной промышленности[1]. Тем самым вводилось «идеологически верное» состояние продуктообмена.

Следующим шагом становится введение свободной продажи и покупки произведённой продукции. Для крестьянского населения, «выполнившего государственные обязательства», Декретом СНК от 28 марта 1921 г. «немедленно» снимались все ограничения в праве распоряжения плодами своего труда. Определяющее значение имело снятие транспортной блокады для перемещения хлебных и зернофуражных продуктов, картофеля и сена в целях обмена, продажи и покупки: «Снять все заградительные отряды, действующие в указанных губерниях, как на гужевых путях, так и на железнодорожных и водных путях сообщения»[2]. Разрешение свободного обмена, покупки и продажи сельскохозяйственной продукции, оставшейся у населения после исполнения обязательств перед государством, было подтверждено Декретом СНК от 24 мая 1921 г.[3]. Вместе с тем на местах в условиях надвигавшегося продовольственного кризиса «фактическое введение новой экономической политики началось лишь с осени 1921 г.»[4].

Голодный фронт расколол губернию на условно благополучные и бедствующие районы. Так, территории Саранского и Городищенского уездов, захваченные приливной волной голода, длительное время не включались в перечень остронуждающихся и были лишены государственной поддержки. А самостоятельным травмирующим фактором социальной динамики становится «непризнание Цикпомголом Городищенского уезда голодающим»[5]. Вместе с тем первые свидетельства об угрожающем положении Городищенского уезда поступили в Губпомгол 8 декабря 1921 г., Саранского уезда – 16 января 1922 г. Уже к этому времени население девяти волостей Городищенского и почти всего Саранского уездов питалось суррогатами: желудями, мякиной, лебедой, травой и мясом павших животных[6]. В итоге к осени 1922 г. число трудовых хозяйств в уезде сократилось более чем на 1 200, численность рабочего скота – на 9 000 голов. За период с 1 января по 1 июня 1922 г. на территории Городищенского уезда было зарегистрировано 4 729 случаев голодной смерти[7].

В октябре 1922 г. в Городищенском уезде насчитывалось 87 000 голодающих, из них 56 910 детей, в Саранском – 40 000, из них детей 21 000. Питание от «АРА

[1] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. С. 245–246.

[2] Там же. С. 248–250.

[3] Там же. С. 338–339.

[4] Отчёт о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета 9-го созыва X Губернскому съезду Советов рабочих и крестьянских депутатов. Пенза, 1922. С. III.

[5] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

[6] Отчёт о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета… С. XXXVII.

[7] Там же. С. IV.

и Советской власти» получали лишь 8 000 человек, остальные же были «обречены на голод и смерть». Количество рабочего скота сократилось по сравнению с 1914 г. на 71 %, коров – на 75 %. Питались суррогатами – лебедой и березовыми серёжками – около 50 000 человек по одному только Городищенскому уезду[1].

Спецификой территориального положения региона выступал его пограничный статус. Пензенская губерния считалась благополучной («самопомогающей») и не входила с перечень остронуждающихся в продовольственном отношении регионов. Поэтому Пенза приняла на себя первый удар приливной волны голодной миграции, что кардинально переписало все прежние протоколы взаимодействия власти и общества. Ещё одной особенностью организации пространства повседневности становится ориентация потоков голодобеженцев по линиям железнодорожных путей сообщения.

11 августа 1921 г. начали работу Пензенская губернская комиссия помощи голодающим (Губкомпомгол), а также уездные комиссии. Комиссия помощи голодающим проводила широкую агитационную работу: обращалась с воззваниями, брошюрами, листовками, тезисами о причинах голода, необходимости помощи голодающим Поволжья. По уездам были разосланы уполномоченные, по волостям – агитаторы. В самых голодных уездах Пензенской губернии устраивались общественные столовые для питания детей и взрослых[2].

Собранные продукты и деньги сначала направлялись в соседнюю Симбирскую губернию. Около 1 000 детей были приняты на полное содержание и направлены в детские дома, бараки, бывшие имения помещиков, колхозы и совхозы. 200 детей размещались в Мокшанском уезде, 200 – в Инсарском, 150 – в Нижнеломовском, 250 – в Чембарском, 110 – в Наровчатском[3]. Вскоре вывоз помощи в Симбирскую губернию был прекращен, её направили прибывающим детям.

В октябре 1921 г. Пензенская губерния была признана нуждающейся вследствие неурожая. Согласно постановлению Губернского исполнительного комитета (Губисполкома), по степени урожайности уезды были разделены на «голодные» и «неголодные». К первой категории отнесли 3 уезда: Городищенский, Саранский (в которых голодали 150 тысяч из 400 тысяч человек населения, среди них 21 тысяча детей) и Краснослободский уезды. Ко второй – остальные 8 уездов, из них 5 – оставляют собранные продукты и средства помощи на месте для собственных нужд, 3 – отправляют в голодные уезды губернии. Постановлено отчислять с каждого едока по 1 фунту продовольствия на регулярной основе для организации постоянной помощи голодающим[4]. С 9-ти волостей Городищенского уезда Народный комиссариат по продовольствию (Наркомпрод) предписал прекратить взимать все виды продовольственного налога[5].

[1] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 47. Л. 81.

[2] Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг.: сборник статей и отчётов. М., 1922. С. 303.

[3] ГАПО. Ф. р-298. Д. 2. Л. 20 об.

[4] Итоги борьбы с голодом… С. 303.

[5] ГАПО. Ф. р-298. Д. 4. Л. 45.

К весне на иждивении укомпомгола находились 8 751 взрослый и 14 500 детей. Было организовано 37 столовых на средства самообложения. От тифа погибло 2 815 чел., из них 1 130 детей, от голода умерло 7 853 чел., из них 750 детей[1]. Председатель Городищенского укомпомгола заявлял о критическом положении, усугублявшемся наплывом беженцев. Большинство населения питались суррогатами, распространялись эпидемии, желудочные болезни, случаи голодной смерти.

К февралю 1922 г. общее количество испытывавших трудности с питанием в губернии определялось Губкомпомголом в 460 000 чел.[2]. Ситуация осложнялась наличием 4 000 беженцев из Поволжья, в том числе 3 500 детей. Их число к апрелю увеличилось до 6 150. Вокзалы в Пензе и Рузаевке были перегружены, нависла угроза эпидемии холеры. Был введён временный запрет на выезд из уездов губернии для разгрузки вокзалов и переправки беженцев дальше[3]. В связи с переселением беженцев в Саранский уезд была занесена эпидемия тифов, от которых погибло 2 817 человек, из них 1 130 детей. В целом, к апрелю 1922 г. на почве голода в уезде умерло 7 853 человека, из них 750 детей[4].

К осени поток «голодбеженцев» через станцию Пенза увеличился до 10 000 чел. в месяц[5]. Они двигались большими массами как по железным, так и по просёлочным дорогам. Часть из них, в количестве 5 000 чел., разместили в бараках, около 8 000 детей – в детских домах[6]. Остальная масса беженцев бродила по сёлам и улицам городов в поисках пропитания. Отделение Приволжского округа Красного Креста организовало врачебно-питательный пункт на 800 пайков на станции Пенза-I[7].

Всего к 1 августу 1922 г., т.е. за год работы Губернской комиссии помощи голодающим, было собрано 1 187 896 рублей, 16 351 пуд хлебопродуктов, 25 741 пуд прочих продуктов. В голодающие губернии отправлено 1 489 пудов хлеба, 1 667 пудов прочих продуктов[8]. Для оказания помощи голодающим были изъяты церковные ценности: золото – 3 фунта 13 золот. 87 долей; серебро – 234 пуда 23 фунта 45 золот. 40 долей; драгоценные камни – 551 шт., жемчуга – 24,5 золот. и две жемчужные ризы весом 1 пуд 27 фунтов[9].

Представителям Губпомгола удалось убедить руководство благотворительных организаций в необходимости увеличения масштабов помощи голодающим Городищенского уезда, на территории которого в 1922 г. (с апреля по июнь) организация

[1] ГАПО. Ф. р-298. Д. 4. Л. 29.

[2] Там же. Л. 11.

[3] Там же. Д. 3. Л. 24.

[4] Там же. Л. 29.

[5] Там же. Л. 46.

[6] Итоги борьбы с голодом… С. 304.

[7] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

[8] Итоги борьбы с голодом… С. 303.

[9] Тишкина А. В., Сухова О. А. Голод в Пензенской губернии в 1921 // Пензенская энциклопедия. Пенза, 2019. Т. 1. С. 282.

АРА (Американской администрации помощи Г. Гувера) обеспечивала деятельность 25 столовых. В день здесь могли пообедать до 4 900 детей в день (221 036 обедов в месяц)[1]. Ежемесячно АРА должна была поставлять 5 000 пуд. овса, продукты детского питания, кукурузу. АРА предложила 100 000 пайков, в т.ч. 43 тыс. детских, что охватывало около 50 % голодающих. В Городищенском уезде было открыто 205 столовых, где питались дети до 13 лет. Также поступала помощь в виде медикаментов, одежды. К 15 июня 1922 г. на Саранский и Городищенский уезды АРА выделила 40 000 пайков[2].

Датский Красный Крест провёл прививочную кампанию в двух уездах Пензенской губернии и распределил такие необходимые медикаменты, как хинин, рыбий жир, йод и др.[3]. Также эта организация выделила 80 вагонов хлеба, обеспечив 5 000 пайков для взрослых на 2 месяца[4]. Датский Красный Крест направил на питание взрослого населения 43 208 пуд. ржи (на 25 000 чел.)[5].

В сентябре 1922 г. стало очевидно, что население Городищенского уезда остаётся голодающим, общее количество нуждающихся в помощи определялось в 87 430 чел., из них 505 – находились на грани голодной смерти[6]. Из 93 930 чел. населения уезда в столовых питались 40 000. Население употребляло в пищу суррогаты – «ракушу», серёжки с деревьев, кору, другие примеси. Продолжали свирепствовать болезни – тиф, дизентерия, малярия, цинга, оспа, холера. Среди скота падёж лошадей составил 50 %. С 1 января по 1 июня 1922 г. в уезде от голода умерло 4 729 чел. По итогам обследования Городищенского уезда осенью-зимой 1922 г. голод отразился на количестве хозяйств, кустарных промыслах, наличии скота. По сравнению с 1914 г. население в 1922 г. сократилось с 250 000 до 198 396 чел., количество хозяйств – с 45 360 до 31 640, лошадей – с 75 500 до 11 979[7]. Наибольшие потери приходятся на период 1921–1922 гг. (число кустарей, например, сократилось на 92 %).

Смертность населения в Саранском уезде с 1 июня 1921 г. по 1 апреля 1922 г. составила 4 875 чел. Из 12 волостей уезда выселилось 1 614 чел., или 118 семей[8]. Из отчёта председателя Саранского укомпомгола следует, что за январь-июль 1922 г. создано 37 столовых на 10 740 едоков. АРА открыла 68 столовых на 25 000 детей[9].

С 15 октября 1922 г. Губкомпомгол с его местными органами ликвидировался, дела передавались уполномоченным по ликвидации последствий голода (Губпоследгол). Хотя в течение осени-зимы 1922 г. в Пензенской губернии по-прежнему выделялось 2 голодающих уезда – Городищенский и Саранский. В первом насчи-

[1] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.

[2] Там же. Д. 3. Д. 35; Там же. Д. 4. Л. 33.

[3] Итоги борьбы с голодом… С. 351.

[4] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

[5] Тишкина А. В., Сухова О. А. Голод в Пензенской губернии в 1921 // Пензенская энциклопедия. Пенза, 2019. Т. 1. С. 282.

[6] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 4. Л. 118.

[7] Там же. Д. 40. Лл. 12, 35.

[8] Тишкина А. В., Сухова О. А. Голод в Пензенской губернии…

[9] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 24. Лл. 66–67.

тывалось 87 000 голодающих, из них детей – 56 910 чел., во втором – 40 000, из них 21 000 детей. В детдомах Пензенской губернии находилось 5 676 детей, из них детей Поволжья – 1 610 чел. В Пензе размещалось 1 642 чел., в уездах – 3 926 чел.

Самостоятельным потоком миграционной активности выступало стихийное перемещение детей – жертв голода – «голоддетей». Стремление уберечь от голодной смерти вынуждало родителей идти на крайние меры и добровольно (а часто и в административном порядке) расставаться со своими детьми. Детская миграционная волна стала первым ударом голода, с которым столкнулась Пензенская губерния. Здесь на железнодорожных станциях «осаждались все дети беженцев, обессиленных материально, в большинстве случаев родителей, умерших в самой Пензе»[1].

В октябре 1921 г. в губернии на положении беженцев голода находилось 5 495 детей (прибывших из Самарской, Саратовской, Симбирской, Оренбургской, Казанской губерний), к апрелю 1922 г. их число увеличилось до 6 150 человек. Большинство из них распределялось по детским домам г. Пензы (свыше 1 600 человек) и уездов. Регион буквально задыхался от нехватки ресурсов для обеспечения детей самым необходимым. Так, в октябре 1921 г. на 5 495 детей было выделено 3 600 пайков, а в сентябре 1922 г. на 5 555 человек 4 925 пайков соответственно. В целом продуктовый набор составлял не более 42 % от нормального пайка, определённого Наркомпродом и Наркомздравом. Еще острее стоял вопрос об обеспечении тёплой одеждой и обувью: потребность в пальто оценивалась в 3 418 ед., холодной обуви – 4 441 ед., шапок – 2 10 ед. Необеспеченность ресурсами вынуждала власти распределять голоддетей в сельскую местность на попечение по домохозяйствам, что служило дополнительным стимулом к перемещению населения. В частности, в Пензенском уезде домохозяйства, принимающие на попечение детей, передавали их друг другу, и дети «путешествовали» от домохозяина к домохозяину[2].

Ситуация гуманитарного и логистического хаоса сохранялась в регионе в течение всей первой половины 1920-х гг. Так, в марте 1923 г. в 59 учреждениях Наркомпроса в Пензенской губернии насчитывалось 2 544 мальчика и 2 782 девочки, в том числе в Пензе – 696 и 724 соответственно[3]. Острой оставалась и проблема реэвакуации беженцев к прежним местам проживания. Даже в январе 1924 г. ёмкость эшелонной отправки «голодобеженцев-обратников» превышала тысячу человек[4]. В 1924–1925 гг. Пензенская губерния вновь переживает засуху и голод, что послужило дополнительным стимулом голодной миграции, хотя и несколько меньшего масштаба. Беженцы из Пензы устремляются в Самару и Симбирск. Вместе с тем в циркуляре от 2 июля 1924 г. особая секция КССХ ВЦИК рекомендовала воздержаться от их отправки из-за ухудшения продовольственной ситуации[5].

[1] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 24. Лл. 81, 84.

[2] Там же. Д. 42-а. Лл. 81–82; 12; Лл. 24, 29.

[3] Там же. Д. 44. Лл. 288–289.

[4] Там же. Д. 47. Л. 24.

[5] Там же. Лл. 36, 38, 124.

В этот сложный период Городищенскому уезду поступила помощь с востока, от Всекитайского комитета помощи голодающим. Было доставлено 5 вагонов с продовольствием: 5 018 пуд. 26 ф. проса[1].

В начале ноября 1922 г. общее собрание духовенства и мирян группы Живой Церкви согласилось добровольно сделать пожертвования для помощи голодающим Городищенского и Саранского уездов. В частности, были сданы медные колокола на 1 736 пуд.[2].

С 1 августа 1923 г. в связи с циркуляром ЦК Последгол Губпоследгол прекратил работу и подвёл итоги своей деятельности. Главными доходами стали возвратные ссуды, сбор церковных ценностей и устройство лотереи. Половина собранных средств была направлена в Городищенский уезд, остальное – на помощь беженцам, детям, инвалидам. Церковные ценности были собраны в размере 13 пуд. золота и серебра, колоколов, предметов церковной утвари. Реэвакуировано 5 000 «голодбеженцев», обслужено 21 229 транзитных беженцев[3]. Но тем не менее количество беженцев во всех уездах губернии стало снижаться только летом 1924 г.

Таким образом, Пензенская губерния в период голода начала 1920-х годов оказалась в особом положении: с одной стороны, она не была отнесена к голодающим губерниям и участвовала в сборе помощи им посредством местных органов ЦК Помгол, обслуживала поток беженцев, с другой – имела в своём составе голодающие уезды. Помощь в борьбе с голодом населению региона оказывал ряд зарубежных организаций, в том числе: Американская администрация помощи, Датский Красный Крест, Всекитайский комитет помощи голодающим. Голод стал самым деструктивным и экстремальным фактором движения населения. Согласно данным переписи 1920 г. в сельских населённых пунктах Пензенской губернии проживало 1 856 715 человек (или 92 % всего населения). За 1921 г. численность сельского населения сократилась до 1 745 214, а за 1922 г. – до 1 673 993 человек, в том числе за 1921–1922 гг. число детей сократилось с 720 330 до 689 093, взрослых – с 1 024 884 до 984 900[4]. Вместе с тем, по данным статистики, в первой половине 1920-х гг. отрицательный показатель абсолютного прироста населения был зафиксирован только в 1920 г., в следующем году он составил 0,44 %, а с 1923 г. превысил уровень в 2,19 %[5].

В этих условиях главной задачей для Губисполкома в 1922 г. стало обеспечение хозяйств семенами и увеличение посевных площадей под яровые культуры. При потребности в 700 000 п. в регион поступила семенная помощь в размере всего лишь 45 000 п., что снова сделало актуальными мобилизационные практики. Так, наиболее эффективными, по мнению местных властей, были: проведение «недели обсеменения» по изысканию скрытых внутренних резервов; и принятие обязательного постановления «о зачислении в запасной фонд неиспользованной земли». В резуль-

[1] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 40. Лл. 90, 104, 105.

[2] Там же. Д. 19. Лл. 43, 72.

[3] Там же. Д. 43. Л. 7.

[4] Там же. Д. 42-а. Л. 53.

[5] Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920–1926 гг. Пенза, 1927. С. 35, 90.

тате план посевной кампании был выполнен на 80 %[1]. Посев озимых культур прошёл с большим энтузиазмом, так как центр отпустил семенную ссуду в размере 350 000 п., что в дополнение к средствам ГИКа позволило увеличить посевные площади на 73 000 десятин, или 15 %, и выйти на довоенный уровень[2]. По другим данным, по нарядам центра и из местного дотационного фонда населению было роздано 453 169 пудов семян в счёт озимой ссуды, в том числе в Городищенском уезде – свыше 200 тысяч пудов, в Саранском уезде – свыше 147 тысяч пудов[3]. Помощь, полученная от государства, благоприятным образом сказалась и на выполнении продналога: к 1 декабря 1922 г. сельским населением было внесено свыше 7 000 000 п., что составляло 81,2 % планового задания. Как отмечалось в отчёте губисполкома, «в отличие от прошлого года сбор продналога в текущем году проходит без применения каких-либо репрессивных мер по отношению налогоплательщиков, и взамен многочисленных выездных сессий ревтрибунала и нарсудов, конфискаций и т.д. в текущем году организованы в каждом уезде лишь по одной сессии нарсуда на случай разбора дел о неаккуратных налогоплательщиках»[4].

Сложнее дело обстояло с животноводством, находившимся в серьёзном упадке, и лесным хозяйством, основательно подорванным порубочным движением в период «общинной революции». По утверждению местных властей, лес в губернии был «вырублен на несколько лет вперёд». Причём сокращение предложения леса на рынке и отпуска его только государственным потребителям лишь активизировали самовольные вырубки леса. По данным ГЗУ, самовольно было вырублено 638 200 кв. саж. Государству тем самым был нанесён ущерб более чем на 80 млрд рублей.

Чрезвычайно трудным был переход от войны к миру для промышленности региона. Многие отрасли свернули производство. Не хватало топлива, сырья, продовольствия. Положение усугублялось расстройством транспорта. Выпуск промышленной продукции, по сравнению с 1913 г., сократился в семь раз. Из общего числа промышленных предприятий (190), состоявших в ведении Губернского совета народного хозяйства (ГСНХ), не менее половины были совершенно разрушены, остальные же являлись недействующими или законсервированными.

Антикризисное звучание в 1921 г. приобретает организационная перестройка управления промышленностью, завершившаяся в основном к февралю 1922 г. Были ликвидированы уездные советы народного хозяйства, а сам аппарат ГСНХ сокращён до минимума. Наиболее крупные и важные, с государственной точки зрения, предприятия переводились на хозяйственный расчёт. Одновременно проводилась концентрация промышленности. Все предприятия разделялись на три группы: 1 – наиболее крупные, которые оставались на государственном снабжении, 2 – подлежащие сдаче в аренду в целях использования частной инициа-

[1] Отчёт о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета 9-го созыва X Губернскому съезду Советов рабочих и крестьянских депутатов. Пенза, 1922. С. VIII.

[2] Площадь озимого клина составила 565 940, в то время как в 1916 г. – 575 000 десятин. См.: Отчёт о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета… С. VII.

[3] ГАПО. Ф. р-298. Оп. 1. Д. 42-а. Л. 18.

[4] Отчёт о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета… С. X.

тивы оборудовать и восстановления бездействующих производств, 3 – подлежащие закрытию. На госснабжении оставались 34 предприятия Пензенской губернии, на которых было занято 6 045 рабочих и 903 служащих, в т.ч. в г. Пензе писчебумажная и швейная фабрики, три типографии.

Основным звеном управления промышленности становится трест, получавший полную оперативную самостоятельность в снабжении и сбыте продукции объединённых предприятий через рынок. Наиболее крупные предприятия получали ещё большую автономность в управлении. Так, в Пензенской губернии были созданы суконный, спичечный, спиртовой тресты, объединение лесной промышленности «Пензалес». Всего в течение 1922 г. в Пензенской губернии было сформировано 12 трестов и управлений отдельными предприятиями. В частности, на базе девяти действовавших лесозаводов был создан лесотрест, ещё восемь – были сданы в аренду. В спиртотрест центрального подчинения и снабжения вошли 23 винокуренных завода. Кроме того, были созданы объединённые управления силикатного и кирпичного заводов, маслозаводов, бумажной и швейными фабриками[1].

На начальном этапе отсутствие средств, сырья, топлива, кризис в сбыте продукции привели к дальнейшему сокращению производства. Так, к осени 1922 г. из 190 предприятий ГСНХ действовало только 28, или 15 %, разрушенными числилось 91 предприятие, или 48 %, законсервированными – 44, или 23 %, в аренде – 27, или 14 %[2]. И только в следующем 1923–1924 хозяйственном году ситуация начинает меняться к лучшему: в губернии работало 31 предприятие, 32 находились в аренде (в т.ч. в Пензе свечной, механический, два металлургических завода и др.) и 46 были законсервированы. В 1924–1925 гг. работало уже 39 цензовых предприятий, а в 1926–1927 гг. – 105, на которых было занято 21 629 рабочих (включая железнодорожников)[3].

Приведённые данные свидетельствуют, что к середине 1920-х гг. восстановительные процессы в пензенской промышленности были ещё далеки от своего завершения. В 1925–1926 гг. по выпуску продукции губерния достигла 85 % от уровня 1912 г. Если за 1913–1928 гг. валовая продукция крупной промышленности в целом по РСФСР возросла в 1,6 раза, то в Пензенском округе – в 0,7[4]. Экономика здесь продолжала носить аграрный характер. Замедленные темпы восстановления объяснялись засухой начала 1920-х гг., крайне отрицательно повлиявшей на развитие сельского хозяйства, спровоцировавшей топливный и продовольственный кризисы. Переломным в плане структурной перестройки промышленности становится 1923–1924 хозяйственный год, когда при общем сокращении числа предприятий начинается рост объёма производимой продукции и численности рабочих. Восстановление площади посевов и нормализация налоговых практик в сельском хозяйстве послужили дополнительными факторами промышленного роста. Характерной

[1] Пензенская область за сорок лет советской власти. Пенза, 1957. С. 70.

[2] Отчёт о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета 9-го созыва... С. IV.

[3] ГАПО. Ф. п.-36. Оп. 1. Д. 595. Л. 196; Д. 825. Л. 5; Ф. р-442. Оп. 1. Д. 507. Л. 11.

[4] Народное хозяйство РСФСР. Стат. сборник. М., 1957. С. 106–107, 341–342.

особенностью отраслевой структуры промышленности губернии становится уменьшение удельного веса металлообрабатывающей, пищевкусовой, стекольной и др. отраслей промышленности, и в то же время рост стоимости продукции и числа рабочих отмечен в бумажной, деревообделочной и спичечной отраслях[1].

Большую роль в экономическом возрождении губернии играла мелкая и кустарная промышленность. Кустарное производство в губернии было широко развито. Основная масса орудий труда и предметов потребления производилась кустарями и ремесленниками. На Пензенскую губернию приходилось 14,3 % заведений и промыслов, на которых сосредотачивалось 15,7 % занятых лиц в рамках Среднего и Нижнего Поволжья[2]. По данным Губстатбюро, в конце 1925 г. действовали следующие промыслы: кулерогожный (7 979 кустарей), деревообделочный (3 922), пуховязальный (1 966), кожевенно-обувной (3 046) и др. Всего в губернии было зарегистрировано 31 740 кустарей[3].

Товарность кустарного рынка в 1926–1927 гг. составляла 17 % всего товарооборота губернии по промышленности и сельскому хозяйству. Основными промыслами являлись бондарный, верёвочный, выпустившие товары на сумму 4 млн руб. каждый, кожевенно-сапожный – 3,6 млн руб., рогожно-кулевой – 2 млн, пуховязальный – 0,7 млн руб. Последние два производили продукцию на экспорт. В 1926–1927 гг. кустарная промышленность достигла довоенного уровня[4]. Происходит рост удельного веса продукции кустарной промышленности по отношению ко всей валовой продукции в губернии: в 1925–1926 гг. хозяйственном году доля этого сектора экономики составила 30 %, а по отношению к стоимости сельскохозяйственной продукции – 13 %[5].

Таким образом, завершение вооружённого противостояния, постепенное изживание последствий голода 1921 г., оказание масштабной помощи производителям сельскохозяйственной продукции со стороны государства (гибкость налоговой политики, предоставление семенной ссуды и пр.), возвращение к рыночным механизмам хозяйствования предопределили запуск восстановительных процессов в экономике региона. При этом наиболее динамично развивались отрасли, в которых доминировала частная инициатива. В то же время негативные последствия революции и Гражданской войны, голода 1921 г. (недостаток оборотных средств, сырья, топлива, изношенность оборудования, трудности сбыта), активное стремление государства к ограничению частнохозяйственной инициативы сдерживали развитие промышленности в регионе, вели к изменениям её отраслевой структуры, к диспропорциям в сфере ценообразования, к кризисам НЭПа.

---

[1] Пензенская область за сорок лет советской власти. Пенза, 1957. С. 76.

[2] Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность СССР в 1925 г. Предварительные итоги. М., 1926. С. 34–35.

[3] ГАПО. Ф. р-442. Оп. 1. Д. 1399. Лл. 122, 171.

[4] Там же. Д. 1512. Лл. 9–19.

[5] Пензенская область за сорок лет советской власти. Пенза, 1957. С. 77.